

Госпожа Ю никогда не стремилась верховодить или соперничать с кем-либо. Кроткая и мягкая от природы, она изъяснялась так, что сразу становилось ясно: эта женщина держала в руках книги. В детстве она даже выучила Сы Вэй грамоте... Однако в мире, который медленно, но неумолимо погружался в хаос, людям образованным, но слишком добрым и безвольным, выжить труднее всего. Сбереечь себя в такое время им почти не под силу.

И вот теперь, когда припасы подошли к концу, а впереди отчетливо замаячил тупик, что ей оставалось, кроме как сетовать на горькую долю да изливать душу?

Сы Вэй слегка приподнял голову. Ветер кружил колючую снежную крупу, которая с пронзительным свистом неслась сквозь чащу, напоминая заунывный вой неприкаянных духов.

Пока он предавался мыслям, в глиняном горшке вовсю бурлила пшенная каша. Желтые крупинки лопались одна за другой, и Сы Вэй уловил тонкий, сладковатый аромат пшена, смешавшийся с морозной свежестью снегопада.

Насыпав в чисто вымытую миску полгорсти желтоватой муки, он зачерпнул из кадки ковш не успевшей замерзнуть воды и принялся медленно размешивать, пока не получилась однородная болтушка. Затем Сы Вэй тонкой струйкой влил ее в горшок, непрерывно помешивая кашу.

Едва подернутая белесой мучной пеленой крупа заклокотала, пуская крупные ленивые пузыри, — варево поспело.

Он разлил горячую жижу по мискам, чистыми палочками выудил из чана горсть квашеной редьки и выложил ее на блюде. Затем под соломенным навесом, служившим им кухней, отыскал узелок. Внутри, завернутые в грубую дерюгу, лежали две кунжутные лепешки, которые он купил вчера в городе.

Налив на дно котелка немного воды, Сы Вэй перевернул щербатую пиалу и поставил ее внутрь, а сверху, на донышко, выложил лепешки, чтобы они не размякли от влаги. Накрыв все крышкой, он наконец облегченно вздохнул и понес нехитрый обед в дом.

Полулежа в постели, госпожа Ю не стала тянуться к палочкам. Она лишь обхватила теплую миску ладонями и принялась медленно, ложка за ложкой, цедить жидкую похлебку.

Сы Вэй прекрасно понимал, о чем думает мать: от редьки пучит живот, что не подобает благовоспитанной женщине, к тому же кислые овощи разжигают аппетит. Стоит раздражить желудок — и невольно захочется добавки, а лишней еды в доме не водилось. Потому она и не прикоснулась к закуске.

Осушив миску, госпожа Ю поставила ее на стоящий у кровати низкий столик и слабо покачала головой.

Мальчик не стал настаивать. Собрав посуду, он вышел на улицу, чтобы ее вымыть.

К этому времени лепешки на глиняном очаге уже вовсю разомлели от пара. Вода на дне котелка почти выкипела и шумно клочкотала; стоило сдвинуть крышку, как Сы Вэя окутало густым белым облаком.

Он вновь завернул лепешки в чистую тряпицу, а взамен водрузил на плиту глиняный кувшин, в котором обычно варил снадобья. Подбросив в топку щепы и долив воды, Сы Вэй принялся за дело.

Сверху на кувшин, прямо под крышку, он пристроил узелок с кунжутным хлебом, чтобы тот до времени впитывал поднимающийся жар.

Разогретая таким образом лепешка, конечно, теряла былую хрустящую корочку, зато черствый мякиш размякал и больше не грозил оставить едока без зубов. Сухой кунжутный коржик, полежав ночь на холоде, каменел так, что о него можно было только зубы обломать — в лучшем случае на поверхности осталась бы сиротливая вмятина.

Пока зелье томилось на огне, Сы Вэй прошел в восточную каморку и переоделся в платье, что носил накануне.

Поношенное, но чистое и аккуратно заштопанное, оно давно выцвело от частых стирок. Для Сы Вэя это убранство было лучшим из того, что он мог себе позволить, чтобы выглядеть пристойно.

Натянув тесноватые башмаки, он вышел на порог и устроился под хлипким навесом мазанки, карауля закипающий отвар.

Прикинув время и рассудив, что снадобье настоялось, мальчик ополоснул полый бамбуковый коленец, перелил туда дымящуюся жидкость и наглухо забил горлышко деревянной затычкой.

Крутой вар быстро прогрел плотные стенки бамбука, и вскоре держать его стало горячо.

Сы Вэй тщательно осмотрел импровизированный сосуд, перевернул его несколько раз и, убедившись, что нигде не течет, бережно завернул бамбук вместе согретыми лепешками в кусок белой холстины, стянув концы тугим узлом.

Поверх узелка он повязал старое, набитое тростниковым пухом одеяльце из лоскутков. С этой ношей он вернулся в западную комнату к матери.

— Матушка, мне сегодня на службу в Башню Широких вкусов. Я завернул все, положи под одеяло, чтобы не остыло.

Госпожа Ю удивленно взглянула на сверток в его руках:

— Что это там?

— Вчера я немного подсобил тамошнему почтенному лавочнику, и повар из жалости выделил мне кунжутных лепешек.

— Да еще твое полуденное снадобье приготовил. Сама знаешь, тебе сейчас нельзя простужаться и под сквозняки подставляться. Я все собрал заранее, чтобы душа за тебя во время работы не болела.

Госпожа Ю со вздохом откинула край тяжелого стеганого одеяла, позволяя Сы Вэю пристроить теплый сверток поглубже, между простыней и периной.

Беднякам не до церемоний — им бы выжить.

Госпожа Ю смотрела, как сын заботливо подтыкает края одеяла. Даже сквозь плотную ткань до нее доходило ласковое тепло, исходившее от узелка. Она смягчилась, и в ее взгляде промелькнула грусть:

— Мал ты еще, а уже такой заботливый... Если бы только... Ладно, пустое. Раз нужно на работу, ступай. В первый день негоже опаздывать.

Сы Вэй послушно кивнул.

На дворе разыгралась настоящая метель. Тонкие, выдавшие виды башмаки промокли почти сразу, стоило сделать лишь несколько шагов по сугробам.

Но Сы Вэй не останавливался. Никакой работы в Башне Широких вкусов у него, конечно же, не было — он выдумал это только ради того, чтобы успокоить мать.

В преддверии Нового года в Башне Широких вкусов действительно стояла суматоха, но рабочих рук там хватало с избытком.

У почтенного лавочника были свои племянники, у поваров — многочисленная родня. В праздничную пору каждый норовил пристроить на сытное место своего неприкаянного родственника.

Тем более в таком заведении: пускай жалованье невелико, зато всегда можно унести домой объедки с барского стола, а это какая-никакая, но сытная пища с каплей жира.

Разве перепало бы теплое местечко в столь завидном заведении деревенскому оборванцу, похожему на дикую девчонку?

Все его речи были лишь ложью во спасение.

Сы Вэй тихо вздохнул. Облачко белого пара мгновенно унес холодный ветер. Мальчик упрямо побрел дальше, утопая в сугробах.

Зимнее небо набрякло свинцом. Колючая снежная крупа хлестала по лицу, нещадно сдирая кожу.

Стоило ветру усилиться, как казалось, будто лицо трут наждаком, выдержанным на лютom морозе вечность.

Дорогу замело. Не прошел он и двух ли, как ледяная жижа пропитала тонкую ткань башмаков. Вскоре жгучий холод сменился глухим онемением.

Сы Вэй попытался шевельнуть пальцами ног, но тесно зажатые в обуви суставы словно пристыли друг к другу. Каждое движение отдавалось тупой болью.

Очевидно, он их отморозил.

Стиснув зубы, мальчик упорно пробивался сквозь буран. Лишь спустя два долгих часа перед ним наконец выросли тяжелые ворота уездного города Цзю.

Из-за лютого холода на подходе к городу никого не было видно, хотя время близилось к полудню.

Не теряя драгоценных минут, Сы Вэй миновал стражу и нырнул в лабиринт улочек, ведущих на юг.

Как исстари велось: восток для богатых, запад для знатных, юг для подлого люда, север для нищих. Дорога, по которой сейчас шел Сы Вэй, звалась улицей Цзиньань и вела напрямиком в переулок Цветов и Ив.

А Башня Весенней реки почиталась там заведением изысканным и видным.

Не поймите превратно: Сы Вэй и в прошлой жизни думал лишь о карьере, не растрачивая время на свидания. Но даже будь он законченным сластолюбцем, вряд ли стал бы замахивать в подобные места в неполные девять лет.

Однако выбора не оставалось. Закрома пустовали, а хворь матери требовала постоянных трат на снадобья.

Что мог предпринять малолетний ребенок перед угрозой голодной смерти и угасания единственного близкого человека? С самого своего перерождения Сы Вэй вел себя осторожно, стараясь не привлекать лишнего внимания. Но нужда приперла к стене. Теперь оставалось лишь одно: попытаться счастья в веселом квартале. Возможно, бывшее профессиональное мастерство, нажитое в прежней жизни, поможет ему раздобыть монету-другую.

Миновав улицу Цзиньань до самого конца, Сы Вэй свернул в неприметный проулок, и убогий городской пейзаж сменился неожиданным изяществом.

В отличие от прямых, как стрела, главных трактов, здешние дорожки прихотливо вились, а у порогов домов выстроились тонкие плакучие ивы.

И пускай сейчас, посреди зимы, от деревьев остались лишь голые ветви, чувствовалось, что за ними заботливо ухаживают. Подстриженные ветки картинно раскинулись под тяжестью пушистых шапок снега — в этом не было весеннего очарования, но и унынием здешние виды не веяли.

Переулки петляли без всякого порядка: одни ворота глядели на юг, другие прятались в тени соседней пристройки. Из-за разной планировки усадеб весь квартал превратился в лабиринт.

Сы Вэй пробирался сквозь эти переплетения, скользя взглядом по заснеженным ивам, резным наличникам и укрытым бамбуковыми колпаками фонарям-кувшинкам. Он упорно искал место, о котором мельком прослышал вчера.

Несмотря на полдень, когда на главных площадях города всю кипела жизнь, в тупиках улицы Цзиньань царило сонное безмолвие. Двери заведений оставались закрытыми или едва приоткрытыми — здешние обитатели явно не спешили начинать день.

Когда наконец Сы Вэй отыскал нужную вывеску с надписью «Башня Весенней реки», у главного входа успели снять лишь половину резных ставен.

На нетронутых створках красовалась изящная резьба: причудливые камни, веточки цветущей сливы и переплетения хризантем. Изнутри доносился зевотный хрип — сонный служитель борделя лениво таскал тяжелые доски. Заметив любопытный взгляд мальчишки, он смерил его презрительным взглядом:

— Эй, малявка! Чего зенки вылупила спозаранку? Кого тут забыла?

Сы Вэй спокойно посмотрел на детину в коротком холщовом халате и ответил без тени робости:

— Я от второго молодого господина Лю из усадьбы господина Лю. Мне нужно передать весть деде Цзиньли.

Служитель борделя удивленно хмыкнул и вновь оглядел незваного гостя. Верить на слово он не спешил, однако руки его были заняты тяжелым брусом, поэтому он лишь окликнул пробиравшуюся мимо девчущку лет двенадцати и кивком велел ей проводить Сы Вэя внутрь.

В спину ему полетело ворчание:

— Чудеса... Едва ставни сняли, а к нам уже девчонка мелкая ломится. Что за времена?

Сы Вэй на мгновение замер, но смолчал и поспешил за служанкой.

Стоило переступить порог, как лицо обдало волной сладкого тепла. Воздух был пропитан тонким благовонием, успокаивающим и обволакивающим.

От входа открывался просторный вид на весь первый ярус. В самом центре, шагах в тридцати, возвышался богато убранный помост для выступлений.

Перед сценой чинно выстроились круглые столы из темного дерева на резных ножках. На каждом красовались изящные пиалы из зеленого селадона, а кое-где в узких вазах пламенели распускающиеся ветви дикой сливы.

Убранство заведения скорее напоминало обитель утонченного книжника, нежели вертеп порока.

Второй этаж тонул в полумраке, скрытый тяжелыми портьерами из бирюзового шелка и легким тюлем. Эти волны тончайшей ткани, плавно опускавшиеся сверху, лишали усадьбу пошлости, придавая ей таинственный, почти неземной вид.

Сы Вэй шел следом за девочкой по узорчатой галерее. Обогнув парадный зал через боковую арку, они свернули на крытый переход, который вел во внутренний двор.

<http://bllate.org/book/18280/1756746>